

подписать унизительныя, почти поворныя условія и правая сторона, съ той же самой минуты потеряла-бы всякій предлогъ къ противодѣйствию и всякую надежду на спасеніе праваго дѣла.

Примѣчаніе. Сообщеніемъ приведенныхъ документовъ (1848 г.) мы обязаны (нынѣ покойному) генералъ-лейтенанту Василю Федоровичу Ратчу.

Ред.

égard; ce serait selon moi une faute impardonnable qui pourrait à jamais perdre la monarchie Prussienne, car le prince devrait souscrire des conditions humiliantes, presque infamantes et le bon parti perdrait dès l'instant tout prétexte comme tout espoir de remonter et de sauver la bonne cause.

ОБОРОНА ПЕТРОПАВЛОВСКАГО ПОРТА ВЪ 1854 ГОДУ ПРОТИВЪ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРЫ.

(изъ записокъ очевидца и участника въ этомъ дѣлѣ.)

«Дѣйствія наши въ Приамурскомъ краѣ, защита Петропавловска, факты принадлежащія исторіи; а на основаніи того, что исторія, по выраженію Цицерона: «должна имѣть два закона, а именно: чтобы она не смѣла сказать ложь, и не устранилась сказать истину»,—исторія возмаетъ и въ этомъ дѣлѣ всемоу, что она заслуживаетъ. И, можетъ быть, исторія выведетъ такія личности, которыя нынѣ останутся неизвѣстными, и личности, которыя въ настоящее время приписываютъ на ряду съ прочими характеръ чисто ископительный, тогда какъ они были въ этомъ дѣлѣ самостоятельными. Невельской *)», (Морск. Сб. 1860 годъ кн. XII стр. 385).

Въ декабрьскомъ номерѣ «Морского Сборника» за 1854 г. напечатана статья: «Нападеніе на Камчатку англо-французской эскадры, въ августѣ 1854 г.», составленная на основаніи совершенно недостоверныхъ свѣдѣній объ отраженіи нападенія на Петропавловскій портъ англо-французской эскадры. Подробности знаменитаго отраженія непріятелей отъ восточныхъ предѣловъ нашего отечества сдѣлались, такимъ образомъ, извѣстны Россіи не вполнѣ и при томъ, главнымъ образомъ, изъ означенной статьи.

*) Геннадій Ивановичъ Невельской—тотъ самый, которому Россія обязана приобретеніемъ Амурскаго края по айхунскому трактату 16 мая 1858 г. Въ 1854 году Геннадій Ивановичъ приуготовилъ по рѣкѣ Амуру тотъ путь, по которому защищены берега восточной Россіи отъ нападенія англо-французовъ и спасена Камчатка.

А. П. Арбузовъ.

Желаніе представить дѣло въ болѣе полномъ и правдивомъ видѣ, обязываетъ меня, какъ участника въ немъ, напечатать выдержки изъ записокъ, веденныхъ мною въ то время.

Мнѣ, старому матросу и солдату, не приводилось изощрять своихъ способностей надъ научною работою; чужды мнѣ литературныя приемы, и слава автора мнѣ не привлекательна. Но я привыкъ уважать факты, честно относиться къ истинѣ — вотъ что и заставляетъ меня писать, чтобы просто и вѣрно, безъ претензій на литературную обработку, сказать нѣсколько словъ правды о событіи, славномъ для чести русскаго моряка и солдата.

Высочайшимъ приказомъ по флоту отъ 16 декабря 1853 г. за № 1271, я былъ назначенъ помощникомъ военнаго губернатора Камчатки, капитаномъ надъ портомъ Петропавловска и командиромъ 47 флотск. экипажа. Вслѣдствіе этого, отправясь зимнимъ путемъ по назначенію, я прибылъ въ Иркутскъ въ мартъ, а въ началѣ апрѣля 1854 года былъ въ деревнѣ Ланченново урѣки Шилки, Нерчинскаго округа. Здѣсь я встрѣтилъ 500 человекъ солдатъ, собранныхъ изъ 12, 13 и 14 сибирскихъ батальоновъ, подъ завѣдываніемъ прапорщика Глейна, назначеннаго съ частью солдатъ въ Ситху. Прежде всего здѣсь приняты мною были мѣры для предупрежденія въ отрядѣ весеннихъ лихорадокъ. Затѣмъ принялся я обучать людей только-что вводимымъ въ войскахъ военнымъ движеніямъ, которому самъ научился въ Турціи у европейскихъ инструкторовъ, въ 1848 г. *) Къ счастью, стрѣльбѣ обучать было не нужно, ибо болѣе половины солдатъ, бывшихъ сибиряковъ-здѣролововъ, оказались артистами въ этомъ искусствѣ **). Съ 3 мая начали готовить пловучій отрядъ, состоявшій изъ

*) Такъ, между прочимъ, я обучалъ быстрымъ построеніямъ и движеніямъ по сигналамъ горна; приучалъ къ фехтовкѣ штыкомъ въ повѣшенныя шарообразныя цѣпи, свитыя изъ соломы и сѣна, и служившія во время отдыха подушками. Употребленіемъ въ дѣло таковыхъ подушекъ я обязанъ указаніямъ гимнастовъ поляковъ, служившихъ матросами на корабляхъ черноморскаго флота.

А. П. Арбузовъ.

***) Не скрою и того оригинальнаго способа, какимъ я приучалъ матросовъ дѣйствовать разсыпнымъ строемъ въ мѣстности пересѣченной. Выбирая мѣстность гористую и гѣсную, я приглашалъ дѣвушекъ деревни гулять туда, выводелъ туда же команду и затѣмъ, приучая солдатиковъ прятаться за деревья, кусты и камни, дѣлалъ всякаго рода эволюціи разсыпанными солдатами, быстро окружалъ враговъ, мгновенно, по сигналамъ, дѣлалъ перемѣны фронта всѣмъ

плотовъ, связанныхъ изъ сукоствольныхъ деревь, шести барокъ, 12 офицерскихъ лодокъ и парохода Аргунь. Проведеніе парохода на рѣкѣ Шилкѣ отъ завода Шилки до верховья рѣки Амура, при слияніи Шилки съ Аргунью—было возложено на меня. Не имѣя ни карты, ни лопмана, я могъ взяться за проводъ парохода только подъ ручательствомъ главнокомандующаго, что я не отвѣчаю за могущія произойти случайности и поврежденія отъ подводныхъ камней и варчъ, а, что между прочимъ, плавая по рѣкѣ Дунаю въ 1828, 29 и 30 годахъ, я приучился къ опредѣленію фарватера по струѣ теченія, виду береговъ и изворотамъ рѣки. Такимъ образомъ, 14 мая, подъ звуки колоколовъ, благословляемый священ. единственной церкви, Преображенія Господня, пароходъ нашъ, во главѣ отряда, пустился внизъ по теченію. Отрядъ нашъ состоялъ изъ 52 частей, гдѣ были помѣщены болѣе 1000 солдатъ, 100 конныхъ казаковъ, легкая батарея, стадо быковъ, провіантъ и хоръ музыкантовъ. Черезъ три дня пароходъ достигъ цѣли своего назначенія и остановился у послѣдняго нашего поселенія Усть-Стрѣлецкаго. Продолжая дальнѣйшій путь, подъ предводительствомъ Нин. Никол. Муравьева, 17 мая пустились мы по многоводному Амуру, текущему между островами и высокими берегами; а 12 іюня остановились у озера Кизи, не дошедши 120 верстъ до устья. Простоявъ тамъ двое сутокъ, я былъ отправленъ въ портъ де-Кастро съ 400 солдатъ — черезъ озеро Кизи на пароходѣ Аргунь, имѣя лодки на буксирѣ, а далѣе болотомъ. Шли мы туда трое сутокъ, сдѣлавъ въ это время 25 верстъ, причемъ солдаты несли на носилкахъ боевую аммуницію, провіантъ сухарей и крупы на двѣ недѣли и вещи каплейт. Каралова, инж. поруч. Муравинскаго и мои. Путь этотъ былъ очень труденъ; пробираясь болотомъ, необходимо было срубать во многихъ мѣстахъ деревья и сучья для устройства мостовъ и переходовъ; мѣстами приходилось пе-

разсыпнымъ строемъ, двигаясь въ атаку, такъ чтобы ни одинъ врагъ не ушелъ и не укрылся. Шутя, весело, какъ бы играя лихіе солдаты приобывали къ бою на сушѣ, къ умѣнью примѣняться къ мѣстности. А враги собирались затѣмъ, послѣ ученя, ко мнѣ на дворъ, и здѣсь раздавались пѣсни, дребезжалъ барабанъ, шигла гребенка, и плясъ не переставалъ до поздней ночи. Всѣмъ этимъ поддерживалось въ моей командѣ самое веселое настроеніе духа, и мысль о предстоявшихъ въ ближайшемъ времени лишеніяхъ и опасностяхъ никому не туманила головы.

А. П. Арбузовъ.

репрыгивать съ кочви на кочеву... Взятые нами два оленя, для верховой ѣзды, оказались мало полезными, по неудобству сѣдель и неумѣнью ѣздить, такъ что пришлось идти пѣшкомъ. Кормил-ся весь нантъ отрядъ солониной, варили щи изъ дикой зелени, черемши (*allium ursinum*), собираемой по дорогѣ, да пили кирпичный чай, варившійся обмененно въ солдатскихъ котелкахъ. Чай этотъ спасительное средство отъ вліянія мѣзмовъ болотъ. Такимъ образомъ, въ сопровожденіи мѣстнаго жителя, полудикаго гольта, служившаго намъ проводникомъ, вышли мы на берегъ Татарскаго пролива. Родная атмосфера моря оживила меня, утомленнаго труднымъ путемъ, и, пройдя верстъ 10 по берегу отлива, мы пришли въ портъ де-Кастро. Переночевавъ здѣсь въ ожиданіи Ник. Ник. Муравьева, мы на другой день были перевезены на транспортъ Двина, пришедшій за нами изъ Петропавловска.

Навонецъ, 19 іюня пустились мы въ путь Охотскимъ моремъ черезъ второй Курильскій проливъ. Труденъ былъ переходъ по болоту до порта де-Кастро; но плаваніе наше по морю и океану грозило сдѣлаться для насъ гибельнымъ. Огромное число людей на небольшомъ транспортѣ пользовалось весьма тѣснымъ помѣщеніемъ. Въ теченіи 35-ти-дневнаго плаванія нашего продовольствіе нашихъ людей было весьма скудное; а подъ конецъ дошло до того, что питались сметками съ сухарей и самымъ незначительнымъ количествомъ дождевой воды, собираемой съ тентовъ, парусины, растянутой по верхней палубѣ. Во все время плаванія люди обучались артиллерійскому дѣлу и изготовлялись къ встрѣчѣ съ неприятелемъ. Но Провидѣніе видимо покровительствовало намъ, такъ что несмотря на всѣ дорожныя лишенія, мы привезли въ Петропавловскъ только трехъ слабыхъ *).

24 іюля, въ день мученицы Христины, мы прибыли въ портъ Петропавловскъ и съ радостью встрѣтили тамъ 44-пушечный фрегатъ Аврору**). Въ тотъ же день, строго слѣдуя правиламъ

*) Не могу не упомянуть съ глубочайшей признательностью о покойномъ Степанѣ Федоровичѣ Соловьевѣ, пожертвованія котораго для солдатъ простиралось свыше поль-пуда золотомъ на амурскую экспедицію. Онъ же снабдилъ нижнихъ чиновъ сапогами, бѣльемъ и кирпичнымъ чаемъ, столь благодѣтельнымъ для сибиряковъ.
А. П. Арбузовъ.

***) На этомъ фрегатѣ было 350 матросовъ, что составило значительное подкрѣпленіе командъ Камчатскаго порта, не превышавшей 283 человекъ вмѣстѣ съ командою транспорта.
А. П. Арбузовъ.

военной дисциплины, я явился къ начальнику, въ лицѣ генералъ-майора Завойко. Но радость наша, при встрѣчѣ съ товарищами, была непродолжительна. Прибывъ въ портъ, рискуя на дорогѣ пострадать отъ голода, мы и здѣсь должны были ожидать того же, ибо, согласно сдѣланному распоряженію, имѣвшійся запасъ провизіи былъ разосланъ рабочимъ сѣверо-американской компаніи, такъ что спасеніе наше отъ голодной смерти произошло лишь отъ прихода изъ Гамбурга клипера «Св. Магдалины», за недѣлю до появленія непріятеля, 10 августа, привезшаго намъ 30 тысячъ пудовъ провизіи. Кромѣ этого, вскорѣ по нашемъ прибытіи, оказалась господствующая въ портѣ старинная, крайне суровая система управленія, благодаря которой совершенно испортились славные, дальновозажные матросы, составляющіе мой 47 флотскій экипажъ, и обратились въ людей, промышляющихъ безпорядками и воровствомъ. Такое нравственное настроеніе командъ дошло до того, что, во время осады непріятелей, были вынуждены прибѣгнуть къ примѣрному разстрѣливанію пойманныхъ въ воровствѣ (привязавъ черезъ палача къ позорному столбу и выразивъ помилованіе). Въ этомъ хаосѣ и неурядицѣ единственную надежду можно было возлагать лишь на вновь привезенныхъ мною солдатъ и команду славнаго фрегата «Аврора».

Всего подъ ружьемъ составилось 983 нижнихъ чиновъ и 30 вооруженныхъ гражданскихъ чиновниковъ — итого 1013, между тѣмъ, какъ непріятель ожидалъ здѣсь найти лишь команду инвалидовъ, какъ его и извѣстили вѣтоловныя суда, зимовавшія въ Петропавловскѣ и встрѣтившіяся съ нимъ у Сандвичевыхъ острововъ.

Вступая въ отправление своихъ обязанностей по порту и экипажу, я на первыхъ же порахъ замѣтилъ неполноту показаннаго по вѣдомостямъ провіанта, а вслѣдъ затѣмъ открылъ, скрытое адъютантомъ К—мъ на чердакѣ, сѣрое суево въ количествѣ 500 аршинъ, которое предмѣстникъ мой Фрейгангъ предполагалъ употребить на теплыя одѣяла для матросовъ. Когда мною о встрѣченномъ было донесено Завойкѣ, то онъ, вмѣсто изслѣдованія дѣла, посадилъ подвѣдомственнаго мнѣ комиссара г. Руднева на гауптвахту...

Вслѣдъ затѣмъ 10-го августа получилъ я отъ Завойко предписаніе за № 1207, въ которомъ было сказано, что я долженъ отправиться за 800 верстъ для ознакомленія съ страной до селенія Большерѣцкѣ. Какъ ни неожиданно и странно показалось мнѣ

такое предписаніе, но, привыкнувъ свято исполнять приказанія, дорожа временемъ, я поторопился осмотрѣть оборонительную линію и о найденныхъ слабыхъ пунктахъ донесъ начальнику, при чемъ просилъ, для удобнѣйшаго сохраненія привезеннаго клиперомъ «Св. Магдалина» провіанта, только-что сгружаемаго въ магазины, размѣстить его по разнымъ домикамъ до заморозковъ, бывающихъ въ сентябрѣ, — въ томъ предположеніи, что безъ этого размѣщенія, при бомбардировкѣ города, гарнизонъ можетъ разомъ лишиться ничѣмъ незамѣнимаго продовольствія. Но на это я получилъ предписаніе, отъ 14-го августа за № 2352, съ замѣчаніемъ относительно несообразности сдѣланнаго мною донесенія, потому будто-бы, что гора такъ высока, что непріятельскіе снаряды перелетать черезъ нее не могутъ *). Затѣмъ тутъ-же напминалось мнѣ безотлагательно приступить къ исполненію предписанія отъ 10-го августа. Видя, что мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ безусловно повиноваться, я спѣшилъ покончить сдѣланныя къ отъѣзду моему приготовленія, какъ, совершенно неожиданно, важныя, по законамъ, обстоятельства, заставили меня остаться на своемъ посту...

Вечеромъ 16-го августа, сигналомъ съ дальнихъ маяковъ дано было знать о появленіи судовъ на горизонтѣ Восточнаго океана, что и подало всѣмъ мысль о приходѣ непріятеля. Предположеніе это на другой же день подтвердилось. Августа 17-го дня утромъ вошелъ въ Авачинскую губу трехмачтовый колесный пароходъ, подъ американскимъ флагомъ, тотчасъ узанный офицерами фрегата «Аврора», ибо онъ находился въ эскадрѣ, встрѣченной ими въ Южной Америкѣ, у порта Калао. Людей на пароходѣ было замѣчено мало, и онъ остановился не доходя мили до передовыхъ укрѣпленій порта. На встрѣчу ему былъ высланъ на вельботѣ штурманскій офицеръ, прапорщикъ Самохваловъ, для оказанія услугъ при проводѣ въ порту. Но пароходъ, завидя шлюп-

*) Не лишнимъ считаю замѣтить, что мои предположенія, при бомбардировкѣ порта, оказались однако столь вѣрными, что г. Завойко, въ ночь съ 18-го на 19-е августа, сдѣлалъ распоряженіе о переноскѣ и перевозѣ всей провизіи изъ магазиновъ внутрь порта и о погруженіи ея въ озеро. Къ счастью, что утомленные ночью люди не понадобились къ отраженію непріятеля.

А. П. Арбузовъ.

ку, тотчасъ-же повернуть назадъ, и въ это время показалось на немъ много народа. Тогда очевидно было, что эскадра, крейсерирующая у входа, была непріятельская. На другой день, 18-го числа*), при Ю.В. вѣтрѣ вошла въ Авачинскую губу эскадра, состоящая изъ слѣдующихъ судовъ: англійскіе—фрегатъ «Президентъ», подъ флагомъ адмирала Прейса, 52 пушки; «Пайеъ» — 44 пушки; трехмачтовый пароходъ «Вираго»—8 бомбическихъ пушекъ. Французскій — фрегатъ «Ла-Форть» подъ флагомъ адмирала Фебриэ десь-Пуэнтъ — 60 пушекъ; — «Эвридика» — 32 пушки, и бригъ «Облигадо»—18 пушекъ.

При такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, я, примѣняясь къ точному смыслу военного закона, не имѣлъ права оставлять свой постъ въ виду угрожающаго противника. Законъ говоритъ, что никто изъ служащихъ, при исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, не долженъ смотрѣть ни на какое лицо, ни на какія предложенія, но обязанъ исполнить свой долгъ по точной силѣ и словамъ закона. Далѣе законъ говоритъ, что старшій по начальнигѣ не оставляетъ своего поста на случай его смерти; начальнигъ команды не можетъ быть никуда посылаемъ на срокъ, свыше трехдневнаго; капитанъ надъ портомъ, подъ страхомъ смертной казни, не оставляетъ своего поста.... Встрѣтясь въ портѣ съ г. Завойко 18-го августа, передъ началомъ дѣла, я объяснилъ ему всѣ эти обстоятельства въ присутствіи командира фрегата, капитанъ-лейтенанта Изыльметьева; но въ отвѣтъ на это получилъ отъ г. Завойко возраженіе, что онъ дѣйствуетъ по особеннымъ инструкціямъ. Тогда я сказалъ ему: «если ваша власть выше закона, зауйте меня въ кандалы и бросьте на гауптвахту!» На это г. Завойко повернулся отъ меня и отрѣшилъ меня отъ всѣхъ занимаемыхъ мною должностей, о чемъ того же числа былъ имъ отданъ приказъ по управленію. Видя, что мнѣ ничего не оставалось, какъ только поступить волонтеромъ, я обратился съ этой просьбой къ командиру фрегата «Аврора» и, получивъ согласіе его, могъ быть не простымъ зрителемъ начинавшагося дѣла.

*) Всѣ числа, приводимыя мною, повѣрены съ мореходнымъ журналомъ фрегата «Аврора», находящимся въ архивѣ морского министерства, но не сходны съ числами, приведенными въ статьѣ «Морского Сборника» 1854 г.

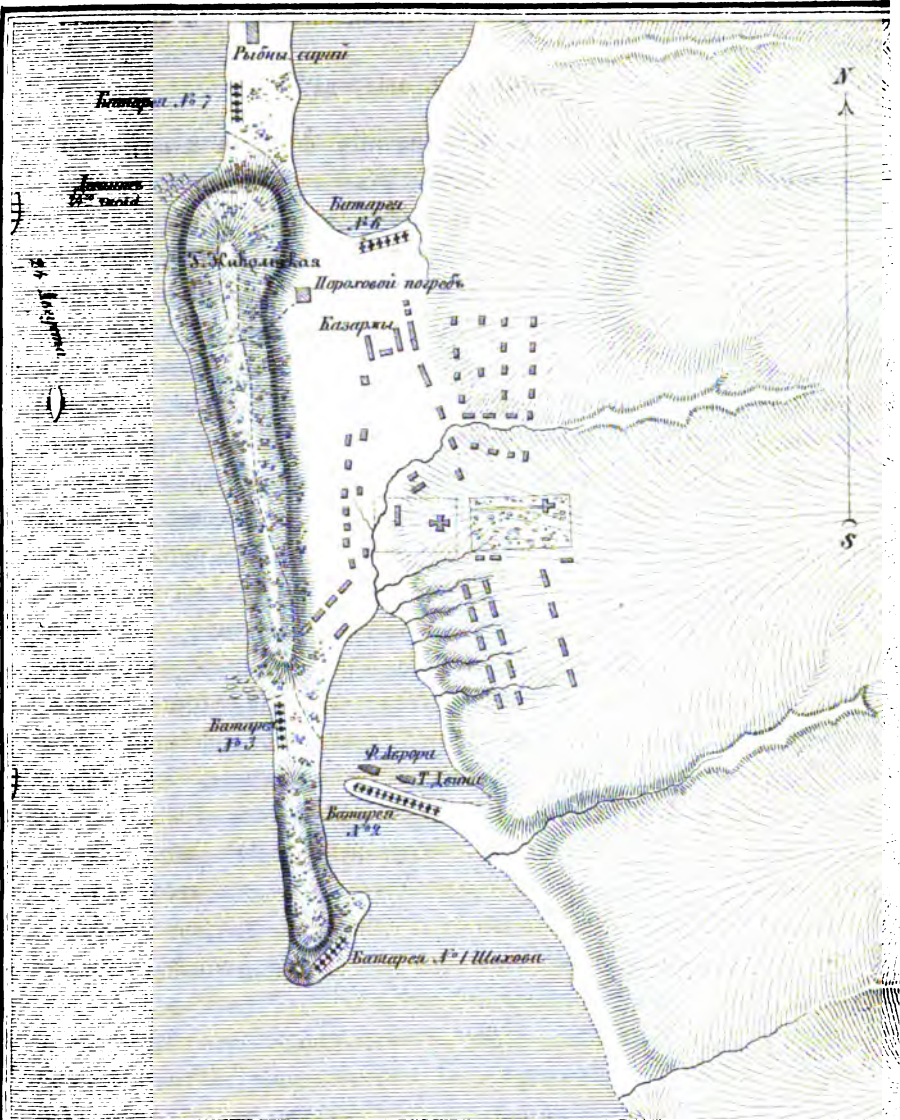
Находясь на фрегатѣ, мы вскорѣ увидѣли десантъ непріятелей, шедшій на гребныхъ судахъ въ Красному Яру на отдаленную батарею № 4-й. Непрiятельскій десантъ шель подь прикрытіемъ дыма отъ выстрѣловъ, производимыхъ имъ съ своей позиціи по батареѣ № 1-й, названной непріателемъ Шаховой, на мысъ ниже внутренняго маяка надъ скалою известковаго камня, и по батареѣ № 2-й, находящейся на косѣ, по народному—«Кожкѣ», отдѣляющей портъ, запертый бономъ, и прикрывающей лѣвый бортъ нашего фрегата «Аврора». Занявшись на фрегатѣ управленіемъ орудій капитанской каюты и наблюдая за полетомъ ядеръ, я придалъ орудію самое большое возвышеніе и пустилъ по прицѣлу ядро; оно упало на батарею № 4-й, уже занятую непріателемъ, водрузившимъ французскій флагъ, въ то время какъ командиръ означенной батареи, мичманъ Поповъ, не видя подрѣшенія, заклепалъ орудія, взялъ порохъ и снаряды и ушелъ. Между тѣмъ начали собираться наши стрѣлковыя партіи и, несмотря на беспорядочный сборъ ихъ, толпившихся около мѣстности фрегата безъ предводителей, непріатель, увидя неожиданную массу нашихъ силъ, тотчасъ отретировался. При этомъ онъ сбросилъ съ батареи одно орудіе и повредилъ брѹхи и тали морскихъ станковъ. Въ это время на фрегатъ въ намъ взошелъ г. Завойко, въ сопровожденіи палача съ вѣнцами въ футилярѣ... Это униженіе достоинства начальника до того поразило меня, что я, и безъ того изнуренный путешествіемъ на транспортѣ «Двина» и послѣдовавшими за тѣмъ событіями, упалъ въ обморокъ въ батареѣ, откуда безчувственного снесли меня на кубрикъ, гдѣ, съ помощью доктора, привели меня въ чувство. Тутъ узналъ я, что г. Завойко ушелъ и приказалъ орудія на батареяхъ заклепать и, если фрегатъ не выдержитъ огня непріятелей, то его и транспортъ «Двину», стоящую рядомъ, сжечь, а команду собрать на берегъ. Едва держась на ногахъ, пошелъ я въ каюту и, встрѣтивъ фрегатскаго священника, іеромонаха отца Іону, сказалъ ему: «отецъ, можетъ быть, скоро я умру, но завѣщаю вамъ, что наша обязанность—расклепать орудія и поправить дѣло!» *)

*) Этотъ почтенный іеромонахъ показавъ во время боя полнѣйшее мужество; онъ съ самаго начала дѣла оставался на шканцахъ и ростерахъ, ободравъ матросовъ и хладнокровно считалъ сколько пролетало ядеръ.

А. П. Арбузовъ.

вошелъ въ каюту и объявилъ капитану фрегата и офицерамъ, что опрометчивое рѣшеніе г. Завойко заклепать орудія не поведетъ въ добру, почему прежде всего необходимо расклепать ихъ. Въ отвѣтъ на вызовъ мой взятыя за расклепку, г. Изыльметьевъ, вполнѣ соглашаясь съ необходимостью этой операціи, обѣщавъ поручить ее прапорщику артиллеріи Можайскому. Вслѣдъ за этимъ, замѣтивъ, что прислуга батареи № 1-й должна сильно страдать отъ осколковъ скалы, увидя раненаго ими въ голову командира батареи, лейтенанта Гаврилова, я просилъ г-на Изыльметьева распорядиться, чтобы надъ скалою батареи повѣсить старый парусъ-марсель, что и было на слѣдующій день сдѣлано. Въ это время по приказанію начальника, переданному черезъ гардемарина фрегата, успѣли заклепать всѣ орудія на батареяхъ, исключая № 2-го, на бокъ, закрывающей фрегатъ, командиръ которой понялъ несообразность такого рѣшенія. Къ счастью нашему, за неимѣніемъ въ портѣ стали, заклепки были сдѣланы ершами изъ гвоздей мягкаго желѣза, такъ что, при произведенныхъ утромъ 18-го числа выстрѣлахъ стапиномъ съ дульной части, пороховымъ газомъ выбивало заклепку изъ запала; при производствѣ этихъ выстрѣловъ едва не утопили, какъ рассказывали мнѣ расклепывающіе пушки люди, — одно десантное непріятельское судно. Между тѣмъ, по сигналу, непріятель ушелъ и огонь его прекратился, какъ бы для отдыха, послѣ пробной перестрѣлки.

18-го числа съ 4-хъ часовъ пополудни и все 19-е число были употреблены нами, равно и непріятелями на исправленіе поврежденій. Изъ поврежденій этихъ замѣтно было на фрегатѣ «Президентъ» разбитіе кормового транца и кормы. При этомъ, по всей вѣроятности, убитъ съ батареи № 1-й адмиралъ Прейсъ. Можно предполагать, что Прейсъ, придя на позицію, спустился въ каюту. Влетѣвшая туда наша бомба произвела разломъ и сотрясеніе, что заставило капитана спуститься въ каюту, гдѣ увидя прахъ адмирала, приказавъ слугѣ прикрыть его, а самъ объявилъ командѣ, что о пробойнѣ безвредной не должно беспокоиться, а слѣдуетъ вѣрнѣе наводить орудія на непріятелей. Эта необходимая ложь экспромтомъ подала поводъ воспользоваться славной смертью адмирала Прейса и придумать самоубійство, совершенное имъ будто для того, что адмиралъ, при

20 Августа
18 Августа

**П Л А Н Ъ
АВАЧИНСКОЙ БУХТЫ
и
ПЕТРОПАВЛОВСКАГО ПОРТА
вЪ КАМЧАТКѢ,
18-24 Августа 1854 г.**

○ суда англичан ○ французы ● русские
--- Чертъ артиллерии дивизионъ войска
Масштабъ

старости, съ упадеомъ энергій, боялся отвѣтственности за промедленіе времени и неуспѣхъ первой попытки овладѣть портомъ и Камчаткою. Грѣшно и стыдно клеветникамъ, и смѣшно вѣрить такимъ выдумкамъ, что русское ядро или бомба не можетъ убить англійскаго адмирала.... *) Сомнѣваться въ этомъ тѣмъ болѣе странно, что командиръ батареи № 1-й говорилъ мнѣ, да и всѣмъ извѣстно, что на пробной стрѣльбѣ съ батареи въ щиты, они по первому выстрѣлу разбивали ихъ въ щепки; когда же фрегатъ сталъ по теченію кормою къ батареевѣ, то, воспользовавшись удачнымъ прицѣломъ, наши разгромили корму....

19-го числа тѣло адмирала было погребено на берегу Тарьинской бухты, и надъ могилою сложено возвышеніе и покрыто дерномъ. Когда время утишить страсти, англичане, безъ сомнѣнія, почтутъ память павшаго воина достойнымъ мавзолеемъ и поставятъ его на могилѣ сраженнаго адмирала!

20-го августа непріятели съ той же позиціи, но на ближайшемъ разстояніи, открыли огонь съ своихъ судовъ, рассчитывая рѣшительнымъ дѣйствіемъ сбить батареи порта, полагаясь на превосходство въ силѣ артиллеріи. Но наши матросы, приучась къ огню, стойко отплачивали непріятелю своими выстрѣлами, такъ что и въ этотъ день непріятель не могъ осуществить своихъ ожиданій. Успѣхъ для насъ былъ бы еще полнѣе, если бы командиры нашихъ батарей стрѣляли калеными ядрами, для чего были устроены на № 2-мъ и № 3-мъ ядрокалительныя печи изъ чугуннаго баласта (на подобіе употребляемыхъ нашими черноморцами для матросскихъ бань). Клепцы были вновь сдѣланы и съ фрегата взяты на берегъ; пыжи намочены, — недоставало лишь умѣнья! Когда я спрашивалъ командира батареи № 2-й, «зачѣмъ онъ не стрѣлялъ калеными ядрами?» то получилъ простосердечный отвѣтъ: «странно вы предлагаете, когда видѣли, что я долженъ былъ стрѣлять рикошетами; вѣдь ядра отъ всплесковъ охладѣютъ!...» Слыша такую чепуху, я однако долженъ

*) «Морской Сборникъ» 1855 г. сентябрь: «Физическое и нравственное мужество». Съ англійскаго. Въ этой статьѣ приведено, между прочимъ, сравненіе, что-де «адмиралъ Прейсъ боялся болѣе отвѣтственности, чѣмъ дитя—привидѣнія». Прейсъ отличался съ юныхъ лѣтъ безстрашіемъ. Будучи мичманомъ онъ, однажды, взобрался на самую вышку церкви св. Павла въ Лондонѣ и развѣсилъ тамъ платокъ, вызывая охотниковъ снять этотъ платокъ, но другихъ подобныхъ ему смѣльчаковъ не нашлось. А. П. Арбузовъ.

былъ молчать, такъ какъ распоряженіемъ г. Завойко я лишенъ былъ права приказывать. Намонецъ, вполне убѣдившись, до какой степени плохо дѣлаются распоряженія въ оборонѣ, я считалъ долгомъ солдата оставить въ сторонѣ оскорбленное чувство челоуѣка и обратиться къ г. Завойко съ предложеніемъ моихъ услугъ при защитѣ порта. Для этого я отправилъ къ нему письмо, въ которомъ выразилъ, что мнѣ болѣе 20-ти разъ приходилось быть въ дѣлахъ съ непріателемъ, а потому, изъ числа наличныхъ офицеровъ, едва ли кто-нибудь въ состояніи замѣнить меня за недостаткомъ боевой опытности. Въ отвѣтъ на это письмо я получилъ разрѣшеніе. Приказъ по этому предмету состоялся утромъ 23-го августа. Вступивъ въ командованіе своей частью, я началъ съ того, что собралъ людей и въ краткой, одушевленной рѣчи напомнилъ имъ лежащія на нихъ обязанности, причѣмъ поставилъ имъ на видъ ихъ нерѣшительность во время сбора для отраженія непріателя 18-го августа. «Теперь, друзья, я съ вами», прибавилъ я, «клянусь крестомъ св. Георгія, который честно носилъ 14 лѣтъ, не осрамлю имени командира! Если же вы увидите во мнѣ труса, то заколите штыками и на убитого плюйте!— Но знайте, что и я потребую точнаго исполненія присяги — драться до послѣдней капли крови!....» — «Умремъ,—не попятимся!» былъ единогласный отвѣтъ ихъ. «Пѣсенники впередъ!» — крикнулъ я невольно одушевляясь, — и солдатики бодро, весело гаркнули пѣсню: «За царя, за Русь святую грянемъ пѣсню въ добрый часъ!» Распуская людей, я отдалъ приказаніе подточить штыки и осмотрѣть кремни и замки.

19 числа, во время похоронъ адмирала Прейса, англичане встрѣтили двоихъ американскихъ матросовъ съ судна, стоявшаго въ нашей гавани подъ національнымъ флагомъ. Матросы эти были посланы своимъ шкиперомъ рубить дрова, и тѣ, изъ сочувствія къ своей расѣ, взялись показать англичанамъ тропинку, удобную, по ихъ мнѣніямъ, для входа и овладѣнія портомъ*).

*) Такъ поступили американцы; а вотъ какъ повелъ себя, при подобномъ же случаѣ, русскій матросикъ. 18-го числа, послѣ перваго дѣла, на рейдъ безпечно выплылъ съ кирпичнаго завода нашъ ботъ; на немъ былъ боцманъ Усовъ съ женою и двумя дѣтми и трое гребцовъ. Начальство порта было столь непредусмотрительно, что не дало знать на заводъ, чтобы на рейдъ не выходили — такъ какъ появился непріатель. Матросики наши, сидя на ботинкѣ, приняли выстрѣлы непріателя за пріятельскія салюты и спомогли имъ.

Вслѣдствіе этого, 24 августа, около 8-ми часовъ утра, непріятели задумали воспользоваться этимъ открытіемъ и, замаскировавъ нападеніе, начали пальбу по батареѣ № 1 у мыса Шаховой, гдѣ развѣщенъ былъ парусъ; по батареѣ № 3, у Лаперузова перешейка, гдѣ оторвана рука у командира князя Александра Максютова, и по батареѣ № 7-й у оконечности горы Нивольской; затѣмъ высадили десантъ и осмѣли фрегатъ пулями, безъ всякаго впрочемъ вреда. Сбивъ батареи № 3 и № 7-й, непріятели свезли всю силу десанта изъ 700 человекъ.—Услышавъ тревогу, я бросился въ казармы и видя, что люди всѣ въ движеніи, явился къ г. Завойко, во все время дѣйствія стоявшему за пороховымъ погребомъ подъ горою. Здѣсь, замѣтивъ смертельно раненаго, еще дышавшаго молодого сына купца Сахарова, я распорядился отнести его въ госпиталь, и видя, что наши чиновники, вооруженные ружьями со штыками, были совершенно бесполезно разбросаны по подошвѣ горы, правѣе погреба, на жертву непріятельскихъ выстрѣловъ, я испросилъ позволеніе немедленно возвратитъ ихъ и помѣститъ тѣлохранителями при особѣ начальника... Чтобы охарактеризовать, до какой степени начало боя производилось безпорядочно, укажу на то, что происходило возлѣ самого г. Завойко. Господинъ полиціймейстеръ, поручивъ Г***, имѣвшій приказаніе защищать неприступную съ моря высоту Нивольской горы и батарею № 7-й, самовольно спустился оттуда со стрѣлками, видя, что непріятели какъ-бы обходятъ его по вышеупомянутой тропинкѣ, совершенно при этомъ не понимая, что она защищена батареею № 6-й съ шестью орудіями. Затѣмъ, какъ бы желая оправдать себя, онъ усѣлся у ногъ г. Завойко и, стрѣлая на удачу, кричалъ: «убилъ, убилъ, ваше превосход-

къ судамъ. Ботикъ мгновенно былъ захваченъ. Въ 1855 г. одинъ изъ этихъ плѣнныхъ, матросъ 47-го фл. экипажа Семенъ Удаловъ бросается за бортъ непріятельскаго брига Obligado, чтобы не служить врагу противъ своихъ — въ возобновленномъ въ тотъ годъ движеніи непр. эскадры къ порту. Достоинно замѣчанія, что первый кто сообщ. объ этомъ подвигѣ русскаго матроса былъ иноземецъ офицеръ съ брига Obligado, Ed. du Hailly (Revue des deux mondes т. XVII. вып. I, стр. 169—196). Въ Морскомъ Сборникѣ 1857 г. (кн. VII смѣсь, стр. 4—7) помѣщенъ разсказъ о томъ же товарищѣ Семена Удалова: они, будучи съ нимъ въ плѣну, видѣли какъ онъ не пошегъ, по зову командира-француза, къ лупкѣ, не захотѣлъ стрѣлять въ своихъ и съ прощальнымъ призывомъ къ своимъ собратьямъ не поднимать рукъ противъ русскихъ, ринулся съ загономъ въ море.

Ред.

дительство!» Сцена была по истиннѣ комическая!... Въ это время непріатели-французы, подъ предводительствомъ англійскаго лейтенанта Паркера, показались на полугорѣ. Вслѣдствіе этого посланы были двѣ партіи стрѣлковъ—первая подъ командою мичмана Михайлова*), а вторая подъ командою лейтенанта Анкудинова.—Въ это время я слѣдилъ за движеніями непріателя и, куря сигару, разговаривалъ съ инженеръ-поручикомъ Муравинскимъ, какъ вдругъ пуля ударила его въ ногу, а другая убила на повалѣ лошадь, стоявшую шаговъ за 600 отъ насъ у полевого орудія.—Между тѣмъ г. Завойко, узнавъ о движеніи непріателя въ обходъ горы, приказалъ мнѣ идти на батарею № 6-й у озера, лежащую въ 200 шагахъ отъ порохового погреба, — съ тѣмъ, чтобы не допускать непріателя пройти указанной ему тропинкою. Придя по назначенію, я просилъ командира батареи г. Гозехуса, чтобы прислуга изъ писарей зарядила орудія черезъ одно—ядромъ и картечью, а самъ приказалъ бывшимъ тутъ казакамъ нарѣзать пашками травы и прикрыть ею орудія. Затѣмъ направивъ, при содѣйствіи прапорщика морской артиллеріи Сахарова, всѣ орудія по прицѣламъ и посадивъ бойкихъ писарей за насыпью, самъ сталъ на банкетъ. Вскорѣ явились два англичанина въ красныхъ мундирахъ съ бѣлыми перевязями; за ними подошли еще четверо и вздумали прицѣливаться по мнѣ, какъ единственной живой цѣли. Я стоялъ шагахъ въ 600 отъ нихъ, между первымъ и вторымъ орудіемъ слѣва и, въ простотѣ сердечной, еще не зная полета штуцерныхъ пуль, только грозился имъ саблей, дорожа зарядомъ орудій. Остальные изъ высадившихся англичанъ поджигали въ это время сарай съ запасомъ соленой рыбы въ обрѣзахъ.—Непріатели, пошутивъ со мною и не пробуя стрѣлять, вздумали возвратиться. Тогда, дернувъ за шнурокъ, я сдѣлалъ выстрѣлъ и непріатели, подхвативъ одного на руки, скрылись въ рыбному сараю.—Видя, что присутствіе мое на этомъ мѣстѣ бесполезно, я передалъ постъ командиру, корабельному инженеру Гозехусу, а самъ отправился съ донесеніемъ въ г. Завойко. Идя туда я замѣтилъ, что непріатель растянулся по горѣ между кустарниками мелкаго кедровника и лы-

*) Изъ этой партіи солдатъ сибирскаго баталіона, Сунцовъ, подползъ въ-подъ горы и пулею прострѣлялъ—въ-подъ бороды въ черепъ—голову англійскаго лейтенанта Паркера.

синами. Тогда я сталъ проситься лично повести партію стрѣльцовъ изъ 30 человекъ. Генераль возразилъ на это, что не можетъ рѣшиться, не имѣя около себя людей. Я повторилъ свою просьбу и прибавилъ: «вокругъ вашего превосходительства остаются преданные чиновники, а если непріятель опомнится и возвратится, то поставитъ наши партіи между двухъ огней — съ тыла и спереди». Стоявшій возлѣ секретарь Лохвицкій поддержалъ мое мнѣніе, и я получилъ дозволеніе идти въ дѣло. — Отправясь съ своей партіей въ обходъ непріятели, за погребомъ, я едва не выстрѣлилъ по унтеръ-офицеру Шепелихину, принявъ въ устахъ его синюю фуражку за непріятельскую. Идя далѣе, встрѣтилъ я мичмана Фесуна съ 12-ю матросами. Мичманъ не принявъ моего предложенія присоединиться ко мнѣ, онъ спѣшилъ къ г. Завойкѣ, своему дядѣ; затѣмъ, идя далѣе, я увидѣлъ французика-гардемарина, заволотаго русскимъ солдатомъ, и вслѣдъ затѣмъ лейтенанта Пилкина, прапорщика Жилкина и боцмана Подсамуйлова съ 90 матросами; всѣ они были вызваны съ фрегата посланнымъ отъ начальника гардемариномъ съ призывомъ: «все пропало! посылать всѣхъ въ стрѣлки!»... Я не стану описывать всѣхъ приключеній боевого столкновенія моей партіи съ непріателемъ. Послѣ общаго ура! ударивъ въ штыки съ фланга, мы опрокинули непріятели и, быстро преслѣдуя его, вскорѣ сошлись съ 1-й и 2-й нашими стрѣлковыми партіями. Успѣхъ былъ полный! 32 тѣла непріятельскихъ нашли мы на мѣстѣ встрѣчи моей партіи, изъ которой ни одного человека не оказалось раненымъ, что можно приписать хорошему умѣнью владѣть штыкомъ. Бѣгущіе непріятели бросались почти съ отвѣсной скалы *) и на берегу собрались у своихъ гребныхъ судовъ. Въ это время подползли къ нимъ изъ-за каменьевъ 16 камчадаловъ, обыкновенно убивающихъ бобра въ головку, чтобъ не испортить шкуры, теперь они своими мѣткими выстрѣлами увеличили поражение непріятелей. — Увлекаясь полнымъ успѣхомъ дѣла, я предложилъ было г-ну Пилкину броситься вмѣстѣ и отрѣзать непріятелей отъ гребныхъ судовъ; но онъ объявилъ мнѣ, что не имѣетъ на это приказанія, и оказавъ намъ помощь, обязанъ воротиться въ фрегатъ, гдѣ союзники замаскировывали нападеніе... Спусти

*) Здѣсь, между прочими, нашли послѣ дѣла обезумѣваго отъ страха французскаго матроса съ фрегата «Laforte» — Pierre Landoirs. А. П. Арбузовъ.

полчаса послѣ удаленія непріятелей, я послалъ унтеръ-офицера доложить г. Завойкѣ о происшедшемъ, и что если будетъ приказано проиграть отбой, то мы спустимся съ горы. Отбой вскорѣ послѣдовалъ, и мы возвратились въ погребу. Здѣсь генералу угодно было назначить меня собирать по горѣ убитыхъ и раненыхъ. Но я, страдая удушьемъ отъ ощущеній успѣха и боя, отправился въ госпиталь, гдѣ докторъ Линчевскій, къ удивленію для самого себя, долженъ былъ пустить мнѣ кровь. — Возвратясь къ погребу, я присутствовалъ тамъ при похоронахъ — своихъ и непріятелей. Здѣсь на сорочкѣ убитаго англійскаго предводителя нашли надпись: «Parke», а въ карманѣ — составъ высаженнаго десанта, афишку изъ театра Франциско въ Калифорніи объ оперѣ «Эрнани» и помѣтку на ней карандашемъ: «N'oubliez pas de prendre dix paires de bracelets». Затѣмъ послѣдовало угощеніе начальника, но я отеазался отъ него и обѣдалъ въ послѣдній разъ за общимъ нашимъ съ чиновниками сборнымъ столомъ въ канцеляріи губернатора *).

26 августа непріятельская эскадра удалилась въ океанъ.

3-го сентября я, несмотря на свое нездоровье, вынужденъ былъ отправиться, по предписанію контръ-адмирала Завойко отъ 1 сентября 1854 г. за № 2397 и второму его же предписанію, отъ 2-го сентября за № 2408, на ботѣ № 1-й (въ 40 ф. длины) съ тѣмъ, чтобы передать паровой шкунѣ «Востокъ» запасъ камчатскаго каменнаго угля, и отправиться на ней далѣе въ Большерѣцкъ. Уголь, которымъ нагружено было судно, былъ мокрый, такъ что мы едва не сгорѣли отъ начавшагося его разложенія. Къ счастью, что противный вѣтеръ не позволилъ намъ три дня

*) Строго и свято держась единой только правды не скрою и слѣдующаго факта, достовѣрность котораго подтверждать, какъ и все что я описалъ, многочисленные очевидцы (имена многихъ изъ нихъ въ разсказѣ моемъ названы). Послѣ боя — въ Петербургъ съ пышной реляціей былъ посланъ англійскій флагъ въ качествѣ трофея, будто-бы вырваннаго изъ рукъ непріятеля. Но, увы! никто не видалъ этого флага въ рукахъ непріятеля, никто не исторгалъ его въ жару боя, англичане просто забыли его на берегу, а расторопный полиціймейстеръ Г***, когда уже и духу не было непріятельскаго, поднялъ флагъ и представилъ г. Завойкѣ мнимый трофей. Еще слово: за общимъ обѣдомъ 24-го августа 1854 г., всѣ чиновники и офицеры, участвовавшіе въ оборонѣ порта, предлагали выдать мнѣ свидѣтельство, за ихъ подписями, въ томъ, что спасеніемъ порта они обязаны ни кому другому, какъ только мнѣ, Арбузову. Но я, отклонивъ отъ себя эту честь, просилъ только подтвердить настоящее заявленіе подъ присягою тогда, когда то окажется нужнымъ. А. П. Арбузовъ.

выдти въ океанъ, а пришедшій тендеръ Кадьякъ привезъ извѣстie, что шкуны Востокъ и нѣтъ въ Большерѣдѣѣ. Поэтому назначенiе мое на несомнѣнную гибель было отмѣнено, и вскорѣ, 15-го числа, я былъ отправленъ въ Аянъ на нанятомъ америкванскомъ бригѣ «Noble».

Контръ-адмиралъ А. П. Арбузовъ.

Примѣчанiе. Для того, чтобы разсказъ А. П. Арбузова объ отраженiи англо-французской эскадры и десанта съ нея отъ Петропавловскаго порта былъ яснѣе, мы сочли необходимымъ приложить планъ этого порта съ обозначенiемъ на картѣ расположенiя домовъ, батарей, числа пушекъ на нихъ, также наступающихъ кораблей непрiятеля. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя къ плану поясненiя. Авачинская бухта въ Камчаткѣ находится подъ 53° широты N и 176°24' долготы O; бухта образуетъ превосходный, внутреннiй бассейнъ въ 10 миль диаметра. Въ этомъ отличномъ рейдѣ можетъ укрыться самый громаднiй въ мiрѣ флотъ. Заливъ соединяется съ Восточнымъ океаномъ проходомъ съ южной стороны. Войдя въ заливъ черезъ проходъ, мы, на восточномъ берегу—встрѣчаемъ небольшой Петропавловскiй портъ. Это нѣчто въ родѣ глухой улицы, открытой съ юга; длина 562 саж., ширина средн. 185 саж. Съ запада портъ окаймляется длиннымъ и узкимъ полуостровомъ, дл. до 100 саж., средняя ширина его 33 саж.; съ юго-востока вытягивается коса — отъ 14 до 16 саж. ширины; она лишь на нѣсколько футъ выше воды, но, во всякомъ случаѣ, замыкаетъ собой бухту.

Наконецъ, узкiй бонъ запираетъ проходъ между косою и полуостровомъ. Такимъ образомъ эту бухту сама природа укрѣпила сильнѣе любого форта, воздвигнутаго искуснѣйшими инженерами. Здѣсь-то, за косою расположились въ дни боя русскiе фрегаты „Аврора“ и транспортъ „Двина“ — первый о 44, второй о 12 пушкахъ. Батарея № 2 въ 11 орудiй на косѣ во время прилива поднималась надъ водою на 4 фута. Затѣмъ площадъ воды предъ бухтой защищаема была еще двумя батареями: № 1, Шахова, въ шесть пушекъ и № 4, на Красномъ Ярѣ, въ 5 пушекъ. Далѣе къ сѣверу у подошвы горы Никольской, батарея № 7 въ пять орудiй, наконецъ у озера, внутри порта, за горою находилась батарея № 6 въ шесть орудiй.

Ред.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

1804 — 1854.

Записки М. И. Глинки были писаны въ теченiе времени отъ 3-го iюня 1854 до конца марта 1855 года, по просьбѣ сестры его Людмилы Ивановны Шестаковой, съ которою Глинка жилъ тогда вмѣстѣ. Каждый день, являясь къ завтраку, М. Ив. прочитывалъ одинъ листъ, написанный имъ въ то утро. Записки эти существуютъ въ двухъ экземплярахъ; одинъ, собственноручнiй и другой — копия, оба принадлежали Л. И. Шестаковой и ею принесены въ даръ Императорской